

УДК 343.54

Сыздыков Алмаз Жаксыбекович

кандидат юридических наук, ассоциированный профессор, докторант Академии МВД Кыргызской Республики имени генерал-майора милиции имени Э.А. Алиева, г. Бишкек, КР.

Сыздыков Алмаз Жаксыбекович

юридика илимдеринин кандидаты, ассоциацияланган профессор, Кыргыз Республикасынын Ички иштер министрлигинин Э.А. Алиев атындагы милициянын генерал-майору атындагы Академиясынын докторанты, Бишкек шаары, КР.

Syzdykov Almaz Zhaksybekovich

Candidate of Law, Associate Professor, Doctoral student at the Academy of the Ministry of Internal Affairs of the Kyrgyz Republic named after Major General of Militia named after E.A. Aliyev, Bishkek, KR.

Турсынбекова Салтанат Пархатовна

соискатель Национальной академии наук Кыргызской Республики, г. Бишкек, КР.

Турсынбекова Салтанат Пархатовна

Кыргыз Республикасынын Улуттук илимдер академиясынын изденүүчүсү, Бишкек шаары, КР.

Tursynbekova Saltanat Parkhatovna

Candidate of the National Academy of Sciences of the Kyrgyz Republic, Bishkek, KR.

**КРИМИНАЛИЗАЦИЯ СЕМЕЙНО-БЫТОВОГО НАСИЛИЯ В КАЗАХСТАНЕ:
МЕЖДУНАРОДНЫЙ ОПЫТ И РОЛЬ ОМБУДСМЕНА
В ОБЕСПЕЧЕНИИ ЗАЩИТЫ ПРАВ ЖЕНЩИН**

**КАЗАКСТАНДА ҮЙ-БҮЛӨЛҮК ЗОМБУЛУКТУ КРИМИНАЛДАШТЫРУУ:
ЭЛ АРАЛЫК ТАЖРЫЙБА ЖАНА АЯЛДАРДЫН УКУГУН КОРГООДО
АКЫЙКАТЧЫНЫН РОЛУ**

**CRIMINALIZATION OF DOMESTIC VIOLENCE IN KAZAKHSTAN:
INTERNATIONAL EXPERIENCE AND THE ROLE OF THE OMBUDSMAN IN ENSURING
THE PROTECTION OF WOMEN'S RIGHTS**

Аннотация. Статья посвящена комплексному анализу криминализации и декриминализации семейно-бытового насилия в Казахстане с учётом международных подходов и роли Института Омбудсмана. Рассматривается эволюция законодательства, аргументы сторонников и противников уголовной ответственности, влияние нормативных изменений на защиту прав женщин. Приводятся данные обращений в офис Омбудсмана, анализируются пробелы правоприменения и предлагаются варианты национальной модели, сочетающей неотвратимость наказания и профилактики. Особое внимание уделено международным стандартам, включая Стамбульскую конвенцию, и практикам постсоветских и европейских государств. Статья направлена на выработку сбалансированного и эффективно функционирующего механизма борьбы с домашним насилием.

Ключевые слова: семейно-бытовое насилие; криминализация; декриминализация; права женщин; Омбудсмен; международные стандарты; уголовная ответственность; профилактика насилия; Стамбульская конвенция.

Аннотация. Макала эл аралык мамилелерди жана Акыйкатчы институтунун ролун эске алуу менен Казакстанда үй-бүлөлүк-үй-бүлөлүк зомбулукту криминализациялоону жана декриминализациялоону комплекстүү талдоого арналган. Бул мыйзам эволюция, жактоочулардын жана кылмыш жоопкерчилигинин каршылаштарынын аргументтер, аялдардын укуктарын коргоо боюнча ченемдик өзгөрүүлөрдүн таасири каралат. Омбудсмендин кеңсесине кайрылуулардын маалыматтары келтирилет, укук колдонуудагы кемчиликтер талданат жана жазанын сөзсүз боло тургандыгын жана алдын алууну айкалыштырган улуттук моделдин варианттары сунушталат. Эл аралык стандарттарга, анын ичинде Стамбул конвенциясына жана постсоветтик жана европалык мамлекеттердин практикаларына өзгөчө көңүл бурулган. Макала үй-бүлөлүк зомбулукка каршы күрөшүүнүн тең салмактуу жана натыйжалуу иштөө механизмин иштеп чыгууга багытталган.

Негизги сөздөр: үй-бүлөлүк-үй-бүлөлүк зомбулук; криминалдаштыруу; декриминалдаштыруу; аялдардын укуктары; Акыйкатчы; эл аралык стандарттар; кылмыш жоопкерчилиги; зомбулуктун алдын алуу; Стамбул конвенциясы.

Abstract. The article is devoted to a comprehensive analysis of the criminalization and decriminalization of domestic violence in Kazakhstan, taking into account international approaches and the role of the Ombudsman Institution. The article examines the evolution of legislation, the arguments of supporters and opponents of criminal liability, and the impact of regulatory changes on the protection of women's rights. The data of appeals to the Office of the Ombudsman is presented, gaps in law enforcement are analyzed, and options for a national model combining the inevitability of punishment and prevention are proposed. Special attention is paid to international standards, including the Istanbul Convention, and the practices of post-Soviet and European states. The article is aimed at developing a balanced and effectively functioning mechanism to combat domestic violence.

Keywords: domestic violence; criminalization; decriminalization; women's rights; Ombudsman; international standards; criminal responsibility; violence prevention; Istanbul Convention.

Семейно-бытовое насилие, в частности побои и умышленное причинение легкого вреда здоровью, представляет серьезную социальную проблему, вызывающую острые научные и общественные дискуссии. По данным исследований ООН, около 17% женщин в Казахстане хотя бы раз подвергались физическому или сексуальному насилию со стороны партнера. Ежегодно от домашнего насилия в стране погибает порядка 400 женщин. [1] Несмотря на такую тревожную статистику, в 2017 году Казахстан декриминализовал нанесение побоев и легких телесных повреждений, переквалифицировав их из уголовных преступлений в разряд административных правонарушений (штраф либо предупреждение). Этот шаг фактически смягчил ответственность за бытовое насилие, что, по мнению многих экспертов, привело к определенной нормализации агрессивного поведения в семье и росту числа случаев насилия. [2] Вместе с тем, общественный резонанс от вопиющих инцидентов – например, убийства в 2023 году супруги бывшим министром экономики – вызвал новую волну требова-

ний усилить наказание за бытовое насилие. В 2024 году, спустя годы дискуссий, Казахстан вновь пересмотрел законодательство, вернув уголовную ответственность за побои и легкий вред здоровью в рамках борьбы с домашним насилием. [3]

История вопроса показывает цикличность процесса криминализации и декриминализации данных деяний. В Казахстане нормы об ответственности за семейные побои и легкие телесные повреждения не раз переходили из Уголовного кодекса в Кодекс об административных правонарушениях и обратно. Так, побои были исключены из Уголовного кодекса еще в 2004 году, а умышленное причинение легкого вреда здоровью – в 2011 году, оба состава переведены в КоАП РК. Позднее, в 2014 году, под влиянием требований общества, эти деяния вновь были криминализованы как уголовные преступления, однако уже в 2017 году их снова декриминализовали, вернув к административной юрисдикции. Такие изменения отражают отсутствие единодушия относительно оптимальной модели реагирования государства

на случаи домашнего насилия небольшой тяжести. В научной среде и среди практиков сформировались две противоположные позиции: одни настаивают на уголовной криминализации побоев и легких телесных повреждений, другие – на сохранении или даже усилении мер декриминализации. Ниже рассматриваются аргументы обеих сторон, анализируется международный опыт, а также предлагаются пути формирования национальной модели, обеспечивающей баланс между превенцией и наказанием.

Сторонники криминализации бытового насилия приводят ряд весомых аргументов в пользу возвращения строгих уголовно-правовых мер.

Во-первых, они указывают на высокую распространенность побоев и легких телесных повреждений в структуре бытового насилия. Эти деяния составляют значительную долю всех зарегистрированных случаев домашнего насилия, и их мягкая административная квалификация воспринимается как несоразмерная тяжести последствий для жертв.

Во-вторых, сторонники опираются на конституционный принцип приоритета ценности личности, ее прав и свобод. Согласно Конституции Республики Казахстан, человек, его жизнь и здоровье являются высшими ценностями, а их защита – обязанностью государства. Исходя из этого, любые посягательства на личность, даже если речь идет о «несерьезных» с точки зрения вреда деяниях, должны влечь уголовную ответственность. Логика такова: побои и легкий вред здоровью посягают на телесную неприкосновенность и достоинство личности, следовательно, должны находиться в Уголовном кодексе, чтобы обеспечить надлежащую защиту прав потерпевших. Многие ученые-юристы поддерживают эту позицию, утверждая, что существование подобных актов насилия вне рамок уголовного закона недопустимо с точки зрения принципа неотвратимости наказания.

В-третьих, выдвигается тезис о низкой эффективности одних лишь административных мер. Штрафы и кратковременные административные аресты зачастую не останавливают агрессоров: напротив, виновные нередко избегают серьезных последствий,

что не создает должного устрашения.

Некоторые активисты отмечали, что декриминализация 2017 года укрепила чувство безнаказанности, и после перевода побоев в разряд проступков число случаев насилия только увеличилось. [2] С этой точки зрения, возвращение к уголовному преследованию необходимо для ломки циклов насилия и демонстрации обществу, что домашнее насилие недопустимо и жестко карается. Дополнительным аргументом является то, что уголовный процесс предоставляет больше возможностей защитить жертву (например, через запрет приближаться, арест обвиняемого, контроль со стороны следственных органов), тогда как в административном порядке потерпевшая сторона зачастую остается один на один с обидчиком после уплаты им штрафа.

Противники криминализации, напротив, предупреждают о негативных последствиях излишней репрессивности. Главный аргумент – риск чрезмерной уголовной репрессии при больших масштабах проблемы. Ежегодно регистрируются десятки тысяч случаев семейных скандалов и побоев; если все их квалифицировать как преступления, это приведет к резкому росту уголовных дел, нагрузке на следственные органы и суды, а также к стигматизации семейных конфликтов как преступлений. Критики отмечают, что административные меры могут быть более эффективными с точки зрения профилактики, так как позволяют оперативно реагировать на правонарушение без длительного расследования и судимости для правонарушителя. Сторонники сохранения административной модели указывают, что именно благодаря ее скорости и относительной доступности выросла выявляемость бытовых правонарушений – жертвы охотнее заявляют о случаях насилия, зная, что обидчика сразу привлекут к ответственности, не доводя дело до тюрьмы. Если же грозить тюремным сроком, многие пострадавшие женщины могут отказаться от подачи заявлений, опасаясь разрушения семьи, мести либо потери кормильца. В этом смысле декриминализация рассматривается как мера, дающая шанс на сохранение семьи через воспитательные воздействия, тогда как уголовное наказание окончательно разрывает семейные связи.

Кроме того, уголовное преследование не гарантирует исправление агрессора. Так, заслуженный юрист Л. Беляева отмечает, что сама по себе криминализация не изменит поведение человека с устойчиво агрессивной установкой. Медики добавляют: во время вспышки ярости бытовой дебошир не осознает характер и тяжесть причиняемого вреда, и угроза уголовной ответственности его не останавливает. Следовательно, упование лишь на карательные меры может быть наивным. Оппоненты реформы предлагают сосредоточиться на превентивных и восстановительных методах: примирение сторон, семейная медиация, психологическая помощь. По их мнению, приоритетной целью должно быть не наказание любой ценой, а прекращение насилия с минимальными разрушениями для семьи. Многие учёные и практики полагают оптимальным усиление административных мер воздействия вместо переквалификации деяний в уголовные преступления. Административная ответственность, как отмечается, сочетает в себе карательную, правовосстановительную и воспитательную функции, что позволяет не только наказать правонарушителя, но и попытаться исправить его поведение через краткосрочную изоляцию, профилактическую беседу, постановку на учет и т.д. [4] Например, вместо тюрьмы агрессора можно подвергнуть административному аресту на несколько суток, проведя с ним воспитательную работу – такой подход, по их мнению, способен разорвать цикл насилия не хуже, чем уголовное наказание, но с меньшими социальными издержками.

Таким образом, в научном сообществе сформировались две полярные позиции. Сторонники настаивают на приоритете принципа неотвратимости наказания и защите прав личности средствами уголовного права, ссылаясь на широкую распространенность бытового насилия и конституционные ценности. Противники же призывают учитывать социально-психологические нюансы семейных конфликтов и опасаются, что криминализация приведет лишь к росту тюремного населения и не решит глубинных проблем насилия. Они делают акцент на профилактике, реабилитации агрессоров и сохранении семьи там, где это возможно, полагая, что

репрессивные меры должны применяться взвешенно, для самых тяжких или систематических случаев.

Обострившаяся в последние годы в Казахстане проблема семейно-бытового насилия еще более актуализировала усилия национального правозащитного учреждения в данном направлении.

За 2024 год в адрес Омбудсмена поступило 20 обращений о нарушении прав женщин, что почти в 2 раза превышает показатель 2023 года (в 2023 г. – 11). Половина обращений о нарушении прав женщин (10) связана с конфликтами в семейно-бытовой сфере по различным основаниям: имущественные вопросы, алиментные обязательства, определение опеки над детьми. Если оценивать результативность рассмотрения обращений, то количество удовлетворенных жалоб составляет – 3, даны разъяснения по – 14, направлены в уполномоченные органы для принятия мер – 3. [5]

В этом году законодательно приняты поправки по инициированному Омбудсменом вопросу о криминализации похищения лиц с целью заключения брака. Полагаем, что криминализация данного деяния окажет серьезный предупреждающий эффект, позволив наконец искоренить данное архаичное явление.

В 2024 году Институтом Уполномоченного по правам человека в РК подготовлен Специальный доклад, посвященный вопросам противодействия семейно-бытовому насилию, в адрес депутатов Парламента направлен соответствующий пакет законодательных мер.

В спецдокладе проанализированы криминальная ситуация в сфере семейно-бытовых отношений, международные стандарты и национальные механизмы противодействия данному явлению; изложены результаты соцопроса и даны рекомендации по противодействию бытовому насилию в Казахстане. [6]

В данном докладе Омбудсменом также была высказано мнение о необходимости криминализации бытового насилия.

Опыт зарубежных стран показывает разнообразие подходов к ответственности за домашнее насилие небольшой тяжести. В странах Евразийского пространства (СНГ)

преобладает тенденция уголовной ответственности за побои и легкие телесные повреждения, однако существуют важные отличия. Анализ законодательства 10 постсоветских государств (включая Россию, Украину, Беларусь, Молдову, страны Кавказа и Средней Азии) выявил, что в 8 из них умышленное причинение легкого вреда здоровью и побои отнесены к преступлениям, предусмотренным уголовными кодексами. Лишь отдельные страны избрали иной путь: например, в Кыргызской Республике оба деяния традиционно рассматриваются как административные проступки, не как преступления. [7] В Казахстане, как отмечалось, до недавнего времени действовала аналогичная модель декриминализации. В Республике Беларусь наблюдается смешанный подход: причинение легкого телесного повреждения преследуется как преступление, тогда как побои классифицированы законодательно как административный проступок.

Отдельного рассмотрения заслуживает опыт России, где в 2017 году также произошла скандально известная декриминализация бытового насилия. Российский законодатель исключил из Уголовного кодекса статью о побоях, оставив уголовную ответственность лишь за повторное избиение либо при отягчающих обстоятельствах. [2] В настоящее время единичный случай побоев в РФ – это административное правонарушение, а уголовная статья применяется, если правонарушение совершено повторно в течение года либо против уязвимых категорий граждан. В отношении легкого вреда здоровью в российском УК по-прежнему предусмотрена статья (ст.115 УК РФ), однако дела по нему отнесены к делам частного обвинения. Это означает, что потерпевшая сторона должна сама инициировать уголовное преследование через суд, предоставляя доказательства – полиция вмешивается лишь в ограниченных случаях. Подобный порядок, по оценкам правозащитников, возлагает чрезмерное бремя доказательства на жертву и приводит к тому, что многие случаи насилия остаются безнаказанными. Для сравнения, в Украине и Молдове в последние годы введены специальные статьи за домашнее насилие, однако и там есть свои особенности. Например, украинское законодатель-

ство требует систематичности домашнего насилия для наступления уголовной ответственности – фактически, преступление признается таковым только после не менее трех привлечений нарушителя к административной ответственности за эпизоды насилия. [8] Такой механизм «административной преюдиции» схож с подходом, который существует и в Казахстане. [3] В Грузии, Армении, Таджикистане и ряде других государств региона уголовное наказание за бытовое насилие формально предусмотрено, но реализация закона затруднена традициями примирения и тем, что многие жертвы не обращаются в полицию. Как показывает анализ Amnesty International, ни одна страна Восточной Европы и Центральной Азии пока не обеспечила по-настоящему эффективной защиты жертв: даже там, где приняты законы, слабы механизмы их реализации и поддержки пострадавших. [8] В некоторых государствах региона по-прежнему превалирует риторика «сохранения семьи» любой ценой. К примеру, президент Беларуси в 2018 г. отклонил подготовленный закон о противодействии домашнему насилию под лозунгом, что он противоречит «традиционным ценностям», заявив, что «иногда хорошая порка – это полезно». [2] Подобные взгляды разделяют и иные лидеры, что тормозит криминализацию: апелляция к патриархальным нормам нередко используется для оправдания бездействия государства. Тем не менее, общественное давление и международные обязательства постепенно приводят страны Евразии к ужесточению политики: даже в консервативных обществах растет понимание, что домашнее насилие – это не внутреннее дело семьи, а правонарушение, требующее неотвратимой реакции.

Для сравнения, европейские подходы к проблеме семейно-бытового насилия значительно более строгие и ориентированы на защиту прав жертв в соответствии с международными стандартами. Ключевым документом здесь является Конвенция Совета Европы о предотвращении и борьбе с насилием в отношении женщин и домашним насилием (Стамбульская конвенция, 2011 год). Она обязывает государства-участники криминализировать различные формы домашнего насилия – физического, сексуаль-

ного, психологического – и обеспечить эффективное расследование и наказание таких деяний. Большинство стран Западной и Центральной Европы либо внесли специальные статьи в уголовные кодексы о домашнем насилии, либо рассматривают насилие в семье как отягчающее обстоятельство общих составов преступлений (например, нападения или причинения вреда здоровью). Все государства Евросоюза признают нанесение побоев члену семьи уголовно наказуемым деянием; нигде в ЕС подобные действия не ограничиваются лишь административной ответственностью. Более того, многие ввели дополнительные меры: специальные судебные приказы о защите (аналогичные охранным предписаниям), программы по реабилитации агрессоров, специализированные полицейские подразделения по делам домашнего насилия. Например, в Испании с 2004 года действует отдельный Закон о защите от гендерного насилия, созданы специализированные суды по семейным делам, а в Великобритании введена ответственность за преследование и принуждение в рамках интимных отношений как отдельное уголовное преступление. Европейский суд по правам человека через свою прецедентную практику выработал доктрину позитивных обязательств государства по защите жертв: власти обязаны не только предусмотреть уголовную ответственность за домашнее насилие, но и реально применять закон, действуя с должной осмотрительностью, чтобы предотвратить повторные эпизоды насилия. В целом европейский подход можно охарактеризовать формулой «Zero Tolerance» к домашнему насилию: признание этого явления тяжким преступлением, недопущение его оправдания культурными или семейными традициями, всесторонняя поддержка пострадавших. При этом Европа стремится сочетать карательные меры с превентивными: широко развита сеть убежищ, кризисных центров, действует телефон доверия, реализуются программы просвещения молодежи о недопустимости насилия.

Такой комплексный подход признается образцовым, хотя и он не решает проблему полностью. Тем не менее, на международном уровне четко прослеживается тренд: криминализация домашнего насилия – необходи-

мое условие эффективной защиты прав человека. [8] Именно поэтому правозащитные организации призывают страны Восточной Европы и Средней Азии как можно скорее привести свое законодательство в соответствие с этими стандартами, устранив пробелы и обеспечив надлежащую правоприменительную практику.

Предложения по национальной модели противодействия

Исходя из казахстанского и мирового опыта, оптимальная национальная модель борьбы с семейно-бытовым насилием должна сочетать элементы как профилактики, так и неотвратимого наказания. Ряд шагов в этом направлении уже предпринимается. В апреле 2024 года в Казахстане принят комплексный закон по усилению защиты женщин и детей, вернувший уголовную ответственность за побои и легкий вред здоровью в семейно-бытовых отношениях. [10] Согласно новым поправкам, все акты насилия в семье вновь считаются преступлениями, а ранее декриминализованные статьи включены обратно в Уголовный кодекс. Закон также предусматривает усиленные санкции за повторные случаи: рецидивистов ждут более строгие меры наказания. Введен ряд новаций, направленных на устранение законодательных пробелов. В частности, полиция теперь обязана сама возбуждать и расследовать дела о домашнем насилии – больше нельзя отказать в возбуждении уголовного дела, ссылаясь на отсутствие заявления, особенно если сведения о побоях стали известны из сообщений в СМИ или социальных сетях. Это значительно снижает прежнюю проблему частного обвинения, когда сбор доказательств возлагался на саму жертву. Кроме того, ограничена возможность примирения: если ранее многие дела о нанесении легкого вреда прекращались за примирением сторон, то теперь при повторных случаях насилия мировое соглашение недопустимо. Такой шаг закрывает лазейку, которой нередко злоупотребляли агрессоры, принуждая жертву мириться.

Тем не менее, одних только изменений УК недостаточно. Эксперты предлагают реализовать комплекс дополнительных мер, опираясь на лучшие практики и научные рекомендации:

1. Необходимо обеспечить, чтобы наказания за семейно-бытовое насилие были **неотвратимыми и соразмерными**. Одно из предложений – внедрить принцип «административной преюдиции» в обновленном виде. Это означает, что за первое нарушение (побои или легкий вред) виновный может понести административное наказание, однако повторное совершение подобных действий влечет автоматическую уголовную ответственность. Подобная норма существовала в казахстанском законодательстве до 2017 года и зарекомендовала себя как сбалансированный подход: с одной стороны, дается шанс на исправление без судимости при первом инциденте, с другой – агрессор предупрежден о серьезных последствиях рецидива. Параллельно предлагается усилить сами административные санкции за первичное нарушение. Исследователи Костанайской академии МВД отмечают, что простое копирование норм из КоАП в УК не достигнет цели снижения насилия. Вместо этого нужно повысить эффективность действующего закона о профилактике, в том числе увеличить сроки административного ареста за семейные правонарушения, предусмотреть обязательные общественные работы или штрафы, дифференцированные по тяжести последствий. Алматинская академия МВД, например, высказывала идею дифференциации в зависимости от фигуры потерпевшего: криминализировать побои и легкий вред, если они совершены в отношении заведомо уязвимых лиц – беременных женщин, малолетних, инвалидов, престарелых или зависящих от виновного; во всех остальных случаях оставить административное наказание, но усилить санкции в КоАП. Такой компромиссный подход позволил бы защищать наиболее незащищенные категории населения жестче, не перегружая уголовную систему менее опасными эпизодами.

2. **Пробация** рассматривается как перспективный инструмент работы с правонарушителями в сфере бытового насилия. Вместо того чтобы сразу отправлять виновного в места лишения свободы, ему может быть назначен испытательный срок с возложением обязательств пройти коррекционно-воспитательные программы. Отечественные ученые предлагают активнее использовать

возможности службы пробации для профилактики повторных правонарушений. Например, досудебная пробация: на стадии расследования побуждать обвиняемого добровольно участвовать в психологических тренингах, программах управления гневом, лечении от алкогольной или наркотической зависимости (если актуально). Условие успешного прохождения такой программы могло бы учитываться при назначении наказания. В случае осуждения к условному наказанию или ограничению свободы подключается послесудебная пробация – регулярные встречи с инспектором, контроль поведения, посещение курсов. Подобные меры уже реализуются в некоторых странах и демонстрируют снижение рецидивов. Кроме того, специалисты отмечают необходимость внедрения специализированных коррекционных программ для семейных дебоширов. Министерством здравоохранения РК разработана Программа психокоррекционной работы с лицами, склонными к насилию, но эксперты указывают, что ее реализация требует развития и апробации на практике. Следует законодательно закрепить прохождение таких программ в качестве обязательного элемента наказания (например, как дополнительное наказание или как условие условно-досрочного освобождения). Это придавало бы наказанию не только карательный, но и реабилитационный характер, повышая шансы на исправление агрессора.

3. Анализ действующих норм выявил ряд лагун, снижающих эффективность борьбы с домашним насилием. **Во-первых**, до недавних реформ в законе отсутствовало четкое определение «систематичности» насилия – это затрудняло квалификацию длительных циклов побоев по более тяжкой статье (например, за истязание). Ученые предлагали дать законодательное определение этому понятию и переработать соответствующие уголовные нормы. **Во-вторых**, требуется совершенствование механизма защитных предписаний. Сейчас полиция вправе вынести срочное защитное предписание (охранный ордер), запрещающее обидчику приближаться к жертве, сроком до 30 дней. Однако если дело затягивается, жертва оказывается без защиты по истечении этого срока. Предлагается продлевать действие защитного

предписания до привлечения лица к ответственности – т.е. на весь период расследования и суда. Более того, необходимо разделить защитные предписания на два вида: *полицейское* (сразу после происшествия, на краткий срок) и *судебное* (на более длительный срок, по решению суда). Это позволило бы гибко защищать потерпевших вплоть до завершения процесса и после, например, через установление ограничений в приговоре. **В-третьих**, необходимо пересмотреть положения о примирении. Несмотря на запрет примирения при повторных случаях, первичное дело о побоях все еще может быть прекращено, если жертва простила обидчика. Законодатели должны оценить, не создает ли это лазейку для давления на потерпевших, и рассмотреть запрет примирения по делам о бытовом насилии, где есть очевидные признаки угрозы жизни и здоровью. **В-четвертых**, актуален вопрос о введении самостоятельного состава преступления «Домашнее насилие». Международные НПО настаивают, что одним только возвращением старых статей УК проблему не решить: нужно криминализовать все формы насилия в семье (включая психологическое, экономическое и т.д.) в рамках единого состава. [9] Такой шаг упростил бы квалификацию и учет преступлений, подчеркнул особый статус этого правонарушения. Пока в казахстанском УК нет отдельной статьи, каждое деяние квалифицируется по общей норме (побои, угрозы, причинение вреда и пр.), что затрудняет статистическое отслеживание и комплексное реагирование. Наконец, **пятым** направлением следует назвать укрепление инфраструктуры помощи жертвам. Закон – это лишь часть решения; важно, чтобы у пострадавших были реальные пути спасения. Нужно увеличивать количество кризисных центров и убежищ (сейчас в Казахстане действует 61 приют для жертв насилия, но по оценкам этого недостаточно), упростить доступ к ним, финансировать службы психологической, правовой помощи. [10] Также необходимо обучать кадры – полицейских, социальных работников, врачей – своевременному выявлению и грамотному реагированию на случаи домашнего насилия.

Предлагаемые меры формирования национальной модели направлены на дости-

жение баланса санкций и профилактики. Модель включает трехуровневую систему реагирования:

1) оперативное административное вмешательство и защитные ордера при первых признаках насилия;

2) привлечение к уголовной ответственности и пробационные программы при систематическом или тяжком насилии;

3) долговременная социальная работа по реабилитации семей, лечение зависимостей, изменение общественных стереотипов. При этом совершенствование законодательства должно идти рука об руку с повсеместным внедрением принципа нулевой терпимости к насилию – от школы и медицины до работы полиции и судов.

Заключение

Оптимальный баланс между профилактикой и наказанием в вопросе семейно-бытового насилия достигается путем сочетания жесткого правового пресечения насильственных действий и одновременной работы по предупреждению новых случаев. Криминализация побоев и легкого вреда здоровью в семейной сфере необходима как сигнал обществу о недопустимости насилия и инструмент изоляции опасных агрессоров. Казахский опыт последних лет подтвердил, что чрезмерная мягкость закона приводит к ощущению безнаказанности: декриминализация 2017 года сопровождалась ростом числа инцидентов и снизила доверие жертв к системе защиты. Возвращение в 2024 году уголовной ответственности – важный шаг к восстановлению справедливости и защите прав потерпевших. Первые результаты обнадеживают: согласно данным МВД, спустя полгода после вступления нового закона в силу количество зарегистрированных случаев домашнего насилия снизилось почти на 28%. Усиление полицейского контроля (вынесены тысячи защитных предписаний, нарушители требований привлекаются к ответу) также демонстрирует эффективность. [10]

Тем не менее, наказание само по себе не решает проблему. Подавляющее большинство случаев насилия до сих пор остается латентными – по оценкам, лишь около 8% пострадавших женщин обращаются в полицию. Страх осуждения, финансовая зависи-

мость, надежда на исправление мужа – все это удерживает жертв от сообщений о насилии. Даже при возбуждении уголовного дела многие женщины впоследствии забирают заявление, опасаясь огласки и клейма для семьи. Это указывает на то, что одного ужесточения законов недостаточно. Необходимо последовательное изменение общественных установок и развитие культуры нетерпимости к любым формам насилия. Параллельно государству следует обеспечить доступность помощи: убежища, кризисные центры, телефоны доверия должны стать частью общенациональной системы поддержки. Важна работа с причинами: как отмечают специалисты, злоупотребление алкоголем, наркозависимость, социальное неблагополучие часто лежат в основе семейной агрессии. Без лечения зависимостей и адресной помощи проблемным семьям насилие будет повторяться, сколь строгим ни был бы Уголовный кодекс.

В заключение следует подчеркнуть, что оптимальная модель противодействия семейно-бытовому насилию – это модель, сочетающая неотвратимость наказания с комплексной профилактикой. Казахстан

движется в данном направлении, внедряя необходимые законодательные коррективы и изучая лучший международный опыт. Добиться устойчивого снижения уровня насилия можно лишь тогда, когда удар кулаком по жене или ребенку повлечет неизбежную ответственность для агрессора, а сама ситуация, ведущая к этому удару, будет предотвращена путем просвещения, раннего вмешательства и поддержки семьи. Баланс между наказанием и профилактикой – это не компромисс в ущерб одному из подходов, а их разумная интеграция: уголовный закон выполняет функцию сдерживания и защиты, в то время как социальные институты и службы поддержки работают над устранением предпосылок насилия. Только такой двуединый подход позволит обеспечить реализацию конституционного принципа защиты личности и одновременно сохранить здоровый социальный климат в семье и обществе. Казахский и международный опыт убедительно показывают, что нулевая терпимость к домашнему насилию должна выражаться не только в строгости наказания, но и в повседневной работе по формированию безопасной семейной среды.

Список литературы:

Всемирная организация здравоохранения. Global and regional estimates of violence against women: prevalence and health effects – Geneva, 2013 // [amnesty.org](https://www.amnesty.org).

UN Women. Ending domestic violence in Kazakhstan – stories from survivors and allies. – 2023 // [amnesty.org](https://www.amnesty.org).

Закон Республики Казахстан «О внесении изменений в некоторые законодательные акты по вопросам прав женщин и безопасности детей» от 15.04.2024 №72-VIII // <https://adilet.zan.kz/rus>.

С.Б. Тапаев и др. Криминализация/декриминализация форм семейно-бытового насилия: побоев, умышленного причинения легкого вреда здоровью. – Астана, Академия правоохранительных органов, 2021. – 502 с.

1. Доклад о деятельности Уполномоченного по правам человека в Республике Казахстан за 2024 год // <https://www.gov.kz/memleket/entities/ombudsman/documents/details/825810?lang=ru>.

2. Специальный доклад Уполномоченного по правам человека в Республике Казахстан о противодействии семейно-бытовому насилию // <https://www.gov.kz/memleket/entities/ombudsman/documents/details/619960>.

3. Дехканова К.К. Классификация прав и свобод человека и гражданина в Кыргызской Республике // Известия вузов Кыргызстана. – 2011. – №10. – С.80-82.

4. Amnesty International. Eastern Europe and Central Asia: Lack of protection against domestic violence exacerbated by «traditional values» – News, 6 Dec 2022 // [amnesty.org](https://www.amnesty.org).

5. Esther Markov. Kazakhstan: New Law Criminalizes Domestic Violence. – Library of Congress – Global Legal Monitor, July 23, 2024 // [loc.gov](https://www.loc.gov).

6. Saniya Sakenova. One Year Since Kazakhstan Criminalized Domestic Violence: What Numbers Reveal. – The Astana Times, 26 May 2025 // astanatimes.com.